

Газеты и журналы не имеют постоянных колонок архитектурных обозревателей. Дискуссии об архитектуре, кем бы они ни велись, остаются ниже современного состояния архитектуроведения, приспосабливаясь к культурному уровню аудитории. В итоге сложилась атмосфера глухого недоверия к интеллекту как таковому. Он третируется как «умничание». Аудиторию и вольно, и еще чаще невольно удовлетворяют примитивным уровнем разговора. Но без возвращения интеллигентности в сферу общественного мнения архитектурная школа и профессия сама не способна поднять свой уровень, напротив, она его неуклонно понижает, приспосабливаясь к общей безграмотности.

Иногда кажется, что академик излагает сложные мысли простым языком. На самом деле он простым (или нарочито усложненным) языком говорит о сложных ситуациях, не пытаясь раскрыть их действительный парадоксальный и проблемный смысл. И это уже не его вина, а его беда, так как он сам не получил в прошлые 50–70 лет должного образования и воспитания.

Положение дел в США и Западной Европе ненамного лучше.

Положение архитектуры и на Западе отражает разрушение тех интеллигентных слоев, которые имели авторитет и влияли на архитектурную конъюнктуру. Как только решающий голос в этом деле стали играть деньги, интеллектуальный уровень массовой печати начал падать, и лишь в университетах он еще держится, поскольку университеты в какой-то степени сохраняют свои традиции и независимость. В странах с тоталитарными режимами университеты и прочие высшие учебные и научные учреждения эту независимость сохранить оказались не способны, что привело и до сих пор ведет к разрушению стандартов профессионального мышления и образования.

Исправить это положение усилиями одиночек невозможно. Необходим общий социальный импульс, способный сдвинуть это дело с мертвой точки. Ведущаяся сейчас в РФ борьба с фальшивыми дипломами, плагиатом и прочими видами коррупции в академической сфере проходит на том же бессодержательном уровне бюрократической некомпетентности (механическая ловля плагиата в Интернете) и потому едва ли сулит какой-то прогресс. Круговая порука бюрократических и академических

кадров не обещает никаких изменений в этой сфере.

Здесь очень важно отдавать себе отчет в том, что такое очень высокая профессиональная культура одного академика или профессора, отдельная теоретическая концепция или любое другое частное совершенство не могут обеспечить полноценной архитектуры, что таковая достигается только в результате взаимопонимания референтных групп.

Некогда к этим референтным группам принадлежали монахи и аристократия. В XIX веке таковой стала интеллигенция. Но, не успев создать прочную культурную традицию, язык ее суждений оказался разрушен социальными процессами ускоренной урбанизации, демократизации, тоталитаризмом и консюмеризмом.

Восстановление этой согласованности во многом ложится на профессию, но одна профессия этого достичь не сможет, и никакая теория этого не обеспечит. Здесь только мировой культурный консенсус способен придать значимость интуиции и обеспечить индивидуальное мастерство.

Трудности достижения такого консенсуса невероятно велики. Если даже в сравнительно очевид-

ной для всех ситуации политических разногласий интеллигенции не удается добиться никакой внятной согласованности, то как представить себе ее в сфере архитектуры, захватывающей исторические судьбы, вновь на рубеже тысячелетий оказавшихся в состоянии радикальных перемен?

Никакая «теория» тут не поможет, так для ее понимания необходима согласованность культурных установок, достичь которой в современных условиях невозможно. Слишком глубоко разрушены традиции, которые даже и созреть-то не успели на рубеже XIX–XX веков.

На что же нам надеяться? Только на Господа Бога. Независимо от того, верим мы в него или нет. Тем более в ситуации, когда все противоборствующие группы могут сослаться на его волю.

Способна ли власть поставить этот вопрос на широком обсуждении или эта миссия ложится на плечи самой профессии, профессиональной интеллигенции, обеспокоенной судьбами страны и мира, – вопрос отчасти риторический, но все же принципиальный.

**Александр Рапппорт /
Alexander Rappaport**

Особенности национального менеджмента / Peculiarities of National Management

Автор размышляет об особенностях менеджмента в России, в частности о современном опыте менеджмента в архитектурно-строительной сфере. По его мнению, деятельность российских менеджеров часто подчиняется своей, непонятной профессионалам логике. Основываясь на примерах из советской и российской действительности, автор проводит мысль, что менеджеры имеют свое мировоззрение, идеалы, религию, самосознание и даже язык.

Ключевые слова: менеджер, архитектор, происхождение, идеология, язык, самосознание. /

The author studies the peculiarities of management in Russia and its current experience in the field of architecture and construction in particular. He believes that Russian managers' activity often follows a specific logic, which is incomprehensible to professionals. Basing on the examples of Soviet and Russian reality, the author concludes that managers have their own world view, ideals, religion, self-consciousness and even language.

Keywords: manager; architect; origin; ideology; language; self-consciousness.

Никто не может служить двум господам: ибо или одного будут ненавидеть, а другого любить; или одному станут усердствовать, а другому не радеть. Не можете служить Богу и мамоне.

Мф 6:24

Во глубине Сибири я как-то услышал жутковатую притчу. Оказывается, две извечные беды России наконец-то оставили измученное тело нашей несчастной Родины, но тут же объявились две новые, неведомые ранее еще более страшные напасти – Инфраструктура и Менеджеры.

С инфраструктурой все вроде понятно. Просто раньше все ругали только дороги (инфраструктуру транспорта), а ныне обнаружилось, что ненамного лучше у нас обстоит дело с инженерными сетями,

образованием, здравоохранением, энергетикой. Системы обеспечения всего этого для краткости (и маскировки) стали называть на модный аглицкий манер «инфраструктурой»!

А вот с менеджерами все гораздо сложнее. Наши менеджеры не глупее западных собратьев, а как раз наоборот. Просто у российского менеджера иная, непонятная для нас, профессионалов, логика. Да что там логика, у них иное мировоззрение, идеалы, религия, самосознание и даже язык. Но и по Гумилеву, и по Бромлею все это признаки нового этноса – народа – племени.

Ну как тут сдержаться и не закричать вслед за поэтом: «Здравствуй племя молодое, незнакомое!» Однако мы, люди интеллигентные, все же сдержимся и постараемся изучить новый этнос с примене-

нием методов науки этнологии (и, частично, этногенеза), чередуя их с методами сравнительного анализа нашего чуда с западными менеджерами и нашими профессионалами. И так...

Глава первая. Происхождение

В отличие от ихних Эдисонов, Фордов и Джобсов, бывших талантливыми инженерами с сильной предпринимательской жилкой, наши менеджеры имеют только последнюю, но очень и очень сильную. Вы не поверите, но родом наши отечественные менеджеры из... КПСС! Из революции, которая очень быстро обнаружила, что старые «спецы» – тормоз на пути к социализму. Слишком умные и в шляпах. К тому же их много, а верных партии комиссаров мало.

«Умные нам не надобны, надобны верные». И бросала Партия верных своих сынов и дочерей с одного фронта соцстроительства на другой, считая, что совсем не важно, кто они по профессии. Гораздо важнее, что они будет железной рукой проводить линию Партии. Более того, чем меньше комиссар связан профессиональными знаниями о предмете, которым он управляет, тем легче ему будет проводить революционные изменения.

Из этой «логики» возник институт НОМЕНКЛАТУРЫ. То, что в кухонных разговорах единодушно признавалось чуть ли не главной ошибкой социализма, приведшей его к краху, было для власти настолько необходимо, что отказать от приоритета верности над профессионализмом она не могла до самого конца. А в конце этому даже нашлось приличное научное обоснование: законы управления едины и не зависят от того, чем ты управляешь – тонким машиностроением, сельским хозяйством или культурой. И этот постулат стал основой кузницы номенклатуры – Высшей партийной школы при ЦК КПСС и ее «правопреемницы» – Российской академии государственной службы при... (сами знаете при ком).

Номенклатурные СОВ-КОМ-МЕНЕДЖЕРЫ (так называемые вторые секретари) сыграли свою, решающую роль в выборе пути для постсоветской России. То, что у радикальных рыночных реформ в России и у последовавшем за ними (и вместе с ними) переделом собственности не было альтернатив, просто ложь. И это не обязательно «китайский

путь». Ведь Китай был аграрной страной, создающей промышленность с нуля, а Россия мощная промышленная держава. Не нужно было уничтожать промышленность вместе с госсобственностью, считал нобелевский лауреат по экономике американец Василий Леонтьев.

Наш бывший соотечественник в 1992 году сделал совершенно обескуражившее российских радикал-реформаторов заявление: «Спилить дерево куда легче, чем посадить саженец и вырастить его. Политический, экономический и социальный порядок в России был быстро и спонтанно разрушен. Жесткое, но эффективное централизованное планирование позволило России достаточно быстро превратиться из относительно отсталой аграрной страны в мощную, хотя и неэффективную индустриальную державу. В конце концов Россия оказалась способна соревноваться с США в гонке вооружений!.. Теперь России потребуются как минимум 70 лет, чтобы построить эффективную рыночную экономику. Разрушить рынок, заменив его командно-административной системой, очень легко. Куда труднее построить эффективный рынок. Западным странам понадобится семь веков, чтобы достичь нынешнего уровня развития общества. Хотя Россия нашла свою роль в мировом разделении труда, эта роль ограничена поставкой сырьевых ресурсов... Главная проблема, с которой столкнулась Россия, – плохое качество менеджмента».

Но этим самым плохим менеджерам активно не нравился эволюционный вариант, и они выбрали путь с прыжком к «свободному» рынку, который открывал им лично головокружительные перспективы мгновенного перехода из категории менеджеров по управлению госсобственностью в категорию собственников.

Дальнейшее – дело техники. Забить головы массивной пропагандой о невозможности эффективного управления госсобственностью (непрофессиональные менеджеры действительно этого не умели и не умеют при любой форме собственности) и необходимости передачи ее в частные руки было не так уж сложно, благо мощная машина соцпропаганды еще работала. Еще легче было уговорить политиков пойти по этому пути, ведь верховная власть всегда падка на простые объяснения и обещания

скорейшего решения всех проблем одним махом. А тут такое искушение: оказывается, ничего делать не надо! Ранок сам все наладит иотрегулирует! Надо только уничтожить госсобственность! Понять, где подвох в этой умильной картинке может только профессионал экономист, но профессионалов и тогда, и сейчас никто не слушал, даже американских.

Второй особенностью второго пришествия капитализма в Россию бы то, что он с самого начала рос не на производстве, а на торговле. На то он и рынок (или базар). Слова предприниматель и коммерсант у нас синонимы. Торговля в смутные и нестабильные времена давала возможность сказочного и мгновенного накопления первоначального капитала. Опять же не парясь на производстве чего бы то ни было.

А на третье... самое сладкое – уходящий корнями вглубь веков «обычай делового оборота». Царь-батюшка служивших ему служилых людей жалованием не жаловал. Но давал им во власть и владение волости, грады и села с селившимися в них людшками – «на кормление». Во власть у нас испокон века шли, чтобы обогатиться, а потерявши власть, мгновенно теряли богатство, а то и жизнь. Отсюда исконное наше, до боли знакомое, единство власти и бизнеса; неискоренимая традиция «путать свою личную шерсть с государственной».

Непрофессионализм, спекулятивный характер и неразрывная связь с властью – вот «три источника и три составных части» второй реинкарнации российского капитализма. Они же родовые пятна отечественного менеджера или МЕНЕДЖЕРА (от англ. manager) в русском народном интернет-эпосе.

И когда новая партия Радикальных Рыночных Реформ России (РРРР) пришла к власти, она, естественно, взяла на вооружение и опыт веков, и методы строительства социализма. Менеджер – комиссар рыночной экономики с особенной идеологией и мировоззрением.

Глава вторая.

Мировоззрение и идеология
Специалист, прouchившийся 15–16 лет и решивший остаться в профессии, связывает с этой профессией не только свое будущее, но и зачатую будущее своих детей, надеясь, что они продолжат династию. Профессional не может не думать об

устойчивом развитии той отрасли или предприятия, в которой он трудится, стараясь при этом совершенствовать свое мастерство, от уровня которого зависит его карьера и благополучие семьи. Профессионал настроен на стабильность, созидание и качество.

Западный менеджер – это профессиональный управляющий, что сближает его с любым другим профессионалом. Его цель – эффективность управления в самом широком смысле. Как любой профессионал, он вынужден заботиться о своей репутации и профессионализме, руководствоваться кодексом профессиональной этики, в котором уважение к специалистам той области, в которой работает менеджер, на первом месте.

Рожденный в эпоху господства идеологии партии РРРР, не сдерживаемый никакими этическими, репутационными или профессиональными соображениями, наш родной отечественный менеджер настроен совершенно на другое – на ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ПРИБЫЛЬ. И только ПРИБЫЛЬ. Ему по барабану отрасль или предприятие, на котором он получает (выбивает, выжимает, отчуждает, изымает) эту прибыль. Наш герой не привязан ни к делу, ни к городу, ни к стране. Отечественный менеджер, как перекасти-поле, легко перелетает из банковского бизнеса в нефтянку, энергетику или нанотехнологии, меняя города и страны, в любое место, куда его пошлет новая Партия и где есть большая прибыль. К специалистам, за счет которых он живет, МЕНЕДЖЕР относится с презрением, как к тягловой скотине.

После ряда техногенных катастроф в энергетике Анатолию Чубайсу задали вопрос: «Почему вы не вкладывали деньги в развитие вверенной вам отрасли?» Он ответил с обескураживающей революционной прямоотой: «Так команды не было!» Абсолютно дикий с точки зрения любого профессионала ответ совершенно логичен в системе координат менеджерской идеологии. Ведь А. Чубайса поставили не развивать энергетику или страну, а получать от оных максимальную прибыль. И если вклады в американские пенсионные фонды давали большую прибыль, чем вклады в отечественные трансформаторные подстанции, то он, как «честный менеджер», не имел право вкладывать средства в нашу энергетику, без специального распоряжения о

необходимости развития этой энергетике, разрешающего уменьшить прибыль ради будущего страны.

Команды не было, и трансформаторы горели синим пламенем в прямом и переносном смысле. Катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС, как и масса будущих катастроф, становилась неизбежностью.

ПРИБЫЛЬ ДОРОЖЕ РОДИНЫ, ЗДОРОВЬЯ И ЖИЗНИ (разумеется, не своей). Притягательная сила идеологии стяжательства столь велика для нового поколения граждан России, что стать менеджером мечтают также страстно, как в 90-е годы мечтали стать рэкетиром или проституткой. Сотни наших вузов по ускоренным скоростным программам готовят наших менеджеров; по их количеству мы уже обогнали все развитые страны. В ряде архитектурных вузов также готовятся менеджеры, которые, не будучи еще профессионалами, будут ими руководить после четырехлетнего образования.

Менеджер – представитель очень уважаемого рода-племени, порожденного рынком! Правда иногда с самого-самого верха (не оттуда, откуда вы подумали) раздаются призывы уважать врачей, учителей, инженеров, ученых и других не дающих прибыль шушеру. Но это как раз от того, что их никто не уважает.

Другое дело менеджер. Хороший, эффективный менеджер может выжать прибыль не только из науки или образования, но даже из каменной стены. Например, обанкротив вверенное ему учреждение науки или образования (ну не дает оно прибыли) и продав их здания и сооружения. Изобретательности российских менеджеров в способах отъема денег у государства и населения может позавидовать даже Остап Бендер.

В этом секрет эффективности и главная цель всех «реформ», вот уже двадцать лет сотрясающих нашу Родину. Поэтому призывать уважать менеджеров излишне. Власти всех уровней убеждены, что все вокруг предпринимательство и только предпринимательство. А главная цель оно – прибыль. А главный добытчик последней – менеджер.

Круг замкнулся, и кто в него не вписался – сам виноват, о чем приходится лишний раз напоминать. На последнем съезде профсоюзов пришлось даже защищать огромные зарплаты отечественных топ-менед-

жеров от «народного гнева». Действительно, почему наши бедные топ-менеджеры должны получать за свой тяжелый «популизаторский» труд меньше, чем иностранные профессиональные менеджеры? Это же не какие-то там врачи, педагоги и инженеры, которые делая свое дело не хуже иностранных специалистов, не могут даже мечтать об их зарплатах.

Поэтому менеджеры размножаются со скоростью деления. Менеджеры есть ныне практически во всех организациях. Если не знают, какую (не требующую образования) должность можно дать работнику без определенного круга обязанностей, то его величают красиво и непонятно – менеджер. Домоуправы переквалифицируются в хаус-менеджеров, а завхозы и секретари в офис-менеджеров. Снабженцы и продавцы стали менеджерами по комплектации и продаже, председатели исполкомов сити-менеджерами.

А еще появились сайт-менеджеры, менеджеры по работе с клиентами, по продаже вакансий, по персоналу и, конечно же, менеджеры по проектам, сильно запутывающие работу ГИПов и ГАПов. Менеджеры проникли во все отрасли бывшего народного хозяйства: ректоры и начальники отделов кадров, главные врачи, редакторы, инженеры в массовом порядке уже заменены на менеджеров – менеджеров.

Недалеко то счастливое время, когда народы и континенты наконец-то объединятся, и на месте России новое поколение образует новую сверхдержаву – ВЕЛИКУЮ ЕВРАЗИЙСКУЮ МЕНЕДЖЕРИЮ. Впервые в истории человечества название огромного государства возникнет не только из самоназвания самого многочисленного этноса, но и от рода занятий подавляющего большинства населения, объединенного единой идеологией, языком и...

И руководит Россией уже сейчас правительство топ-менеджеров. А над ними (страшно сказать)? Да не тот, о ком вы подумали. Над ними БОГ МЕНЕДЖЕРОВ, ибо у этого племени есть свой бог и все элементы культа.

Глава третья. Религия

Бог Мамона един, но у него множество имен: Деньги, Мани, Грины, Зеленый, Капуста, Бабло, а также Акции, Ваучеры, Облигации, Котировки, Ставки, Фьючеры, Курсы и все иные

псевдо, квази, эрзац ДЕНЬГИ. Неважно, как называть Бога. Важно верить, что Бог всемогущ. Он может дать все: достаток, свободу, уважение, успех, власть, силу, здоровье, счастье. Это главный догмат любой религии. «Все, что можно купить за деньги, а купить можно все», – уточняет религия менеджеров. За очень большие деньги можно купить даже вечную жизнь. Так утверждает новая наука – крионика (не путать с «креативом»).

У любой религии должны быть Храмы. Храмы денег – это, естественно, Банки, Биржи, Офисы корпораций. По количеству банков на душу населения Москва уже обогнала всю Америку, несмотря на то (а может благодаря тому), что наш, пока что не удвоенный ВВП в восемь раз меньше американского. На храмы денег не жалели никогда, даже в самых бедных странах, и Россия здесь не исключение. Тем более грешно жалеть деньги на Храмы Денег, извините за тавтологию. Храмы менеджеров блестяще полированными мрамором и гранитом, хромом и позолотой. Они непременно должны поражать своим богатством и размерами, утверждая превосходство новой религии.

Если не удастся физически уничтожить храмы конкурирующих традиционных религий, то новая религия старается унижить их, уничтожить морально, воздвигнув свои храмы выше старых. В этом и не в чем другом смысл эпопеи со строительством «Храма Мамоны Питерской» – Башни Газпрома. Питерские коллеги хорошо знают, что в Охта-центре можно было построить офисы необходимой Газпрому площади без нарушения высотных регламентов и гораздо дешевле. И без всяких скандалов.

Но такой путь для новой агрессивной религии не приемлем. Надо было непременно «вставить свечку» всему старому Санкт-Петербургу, всей старой культуре, всем старым богам и их храмам, утвердив новую веру. Ради этой «высокой» идеи не жалко закопать в болотах Охты миллиарды рублей, тем паче не своих и народных денег, ведь Газпром – государственная корпорация.

И чем дальше от центров городов приходится отодвигать (по требованию рассерженных горожан) храмы новой религии, тем выше они будут становиться. Ведь цель остается прежней!

У всякого культа должны быть священные тексты и молитвы. На любом совещании непременно присутствуют молодые представители министерств и ведомств, «семинаристы – мидель-менеджеры», повторяющие как молитву:

– «Государственная собственность используется неэффективно. Надо передать ее в руки частных предпринимателей, приватизировать (по-русски «разворовать»);

– «Наша главная задача – освободить бизнес от государственного регулирования (по-русски «дать полную свободу воровства»). Бизнес сам выработает правила своего регулирования (и себя при этом не забудет);

– «Перестаньте кошмарить бизнес (пусть он свободно кошмарит потребителя)».

И на вопрос классика: «Что делают в России?» – следует классический ответ: «ВОРУЮТ». Воруют у государства, и у населения. Воруют не связанные никакими этическими нормами, не боясь ни божьего, ни земного закона и суда, общественного мнения, прессы. Ничего, так как можно все купить, тем более что для этого есть новая религия, не считающая подкуп, спекуляцию, воровство, взятки, откаты грехом. И кошмарят потребителя, убивая, травя, калеча, обманывая его, за его же деньги, ради новой святости – прибыли.

У всякой веры должны быть свои оракулы, проповедники, святые. Есть они и у нашего культа Мамоны: святая проповедница Маргарет Тэтчер, святой инквизитор Аугусто Пиночет, святой мученик Егор Гайдар. Почему святой – всем понятно. Но почему мученик? Вероятно потому, что он сильно мучился из-за загубленных им невинных душ? Мучился, но губил, свято веруя и верно служа новой вере. Истребляя проклятую госсобственность с таким же рвением, с каким дедушка рубил приверженцев проклятой частной собственности.

Глава четвертая. Язык менеджеров

Любой этнос имеет свой язык или по крайней мере свое диалект.

Понятно, что язык менеджеров – это своеобразное англо-американское наречие, в котором главные слова подчеркивают исключительность и превосходство нового правящего класса – «элиты» по-менеджерски. Главные приставки в этом языке «элит-, люкс- супер-,

хай-, топ-» годятся для приставки к любому нижегородскому слову. Естественно, при переводе английские слова часто приобретают новый смысл в зависимости от идеологии, господствующей в новой языковой среде. Слово «бизнес», переводимое просто как «дело», у нас означает только делание денег, желательно ничего не делая. И из ничего – из воздуха.

Однако нас интересует не бытовой менеджерский язык, а его применение в нашей профессии. «Менеджер» – по-русски «управляющий», и язык менеджеров – это язык управляющих. Переписанный с американских законов наш родной Градостроительный кодекс (как и большинство реформаторских законов РФ) со всеми его кажущимися для нас словесными извращениями в действительности имеет свою логику. Просто все эти реформаторские законы написаны не для созидания, а для управления (распределения и перераспределения ранее созданного).

Например, «план» на управленческо-менеджерском языке вовсе не то, что создает архитектор или градостроитель. В лучшем случае это «бизнес-план» или «план действий или мероприятий», он же «дорожная карта». Поэтому при переводе, дабы профессиональный язык не путался с менеджерским, планы заменены на «схемы планов» и «карты», несмотря на нелепость и прямую противоестественность применения этих слов в нашей профессиональной деятельности. Просто слова «чертеж» в управленческом языке нет – им нельзя управлять, а создание чего бы то ни было менеджера не интересует. Все специалисты-планировщики в одночасье превратились в «картёжников», а архитекторы в «схематиков» и «отображателей фасадов».

Из нашего Градкодекса тщательно вычеркнуто любое материальное, предметное содержание, которое заменено административно-управленческими объектами. В нем нет и не может быть агломерации, города, любого поселения, здания, сооружения. Здесь оперируют только понятиями объектов управления типа «муниципальное образование, городской или сельский округ, объекты недвижимости» и т. д. Так как нет такого субъекта административного управления, как агломерация, то ее не может быть и в действительности.

Но любой новояз служит и другой цели – кодированию по типу

«свой – чужой». Феня менеджеров не исключение. Если кто-то с высокой трибуны вещает, что «нигде в мире не делают уже генеральных планов, а делают мастер-планы» или что профессия «градостроитель» отмирает и заменяется профессией «урбанист», то это не значит, что говорящий не знает английского и не может правильно перевести слова. Это сигнал собратям: «Я свой, я новая элита, я прогрессивный, западно-ориентированный менеджер».

Если некий заказчик хочет, чтобы ему сделали «дизайн-проект», то это не значит, что он придурок. Просто он считает себя прогрессивным заказчиком, а общается только с менеджерами от архитектуры. Но если это словосочетание применяет профессиональный проектировщик или дизайнер, то он точно полудурок.

Значительно сложнее перевести на русский словесную конструкцию о необходимости развить «кинжиниринг и промышленный дизайн». Лучшие умы Госдумы, НОПа и НОИЗа не так давно безуспешно пытались расшифровать эти записанные менеджерами Минпромторга в высочайший манускрипт формулировки. Что такое инжиниринг, лучше всего, по-моему, сказал Лев Осико:

«В современном российском строительном бизнесе понятия «кинжиниринг» и «управление проектами» четко не разграничены ни на уровне семантики, ни в практике осуществления инвестиционных проектов. В особенности непонятно, где же здесь собственно специалист с высшим техническим образованием – инженер – и его деятельность согласно полученному диплому?»

Как называть эту деятельность – инженерия, инжиниринг? Есть ли между ними разница? Данное явление схоже с афоризмом брежневской эпохи: «Демократия отличается от демократизации, как канал – от канализации». По всему выходит, что термин «инжиниринг» был придуман как бы нарочно, чтобы продемонстрировать «обаяние» новой специальности, – по сути, носящей менеджерский характер, но с модным уклоном в сторону предметной области. Иными словами, можно не тратить усилий на углубленное изучение технических дисциплин, защищать диплом с чертежами и сложными расчетами, трудиться на производстве, а пройтись по самым вершкам

профессии и быстро создать себе имидж технаря: мол, я занимаюсь инжинирингом!» (Журнал «Энерго-Рынок», № 4 за 2010 год).

Так что надежды на то, что под этим загадочным словом из новояза скрывается понятие «инженерное дело» (проектирование и изобретательство), тщетны. Надо развивать только управление проектами и внедрение изобретений. При этом предполагается, что эти проекты и изобретения растут сами по себе, как полынь, имеются в избытке и развивать их «изготовление» не требуется.

Опять же ясно, что под «промышленным дизайном» не подозревается дизайн как искусство или промышленная эстетика. Как вы уже заметили в менеджерском языке вообще нет слов, связанных с созиданием. По аналогии с «дизайн-проектом» здесь наверняка имеется в виду управление проектами в области промышленности. При этом слово «проект» на менеджерском – это не проект промпредприятия, а управленческий проект.

По этой же схеме придумана и новая профессия – «урбанист»! В полном соответствии с тенденциями Градкодекса урбаниста, в отличие от градостроителя, не интересует практика создания города. Он строит не город, а бюрократическую модель управления городом.

Надо изучать языки иностранцев, чтобы знать, когда и откуда они на вас нападут.

Глава пятая. Самосознание

Становление нового этноса всегда связывается с осознанием принадлежности индивидуума к некой социальной (или национальной) общности на основе дихотомии «мы – они». Антипатия к другим этносам при этом почти обязательна. Л. Н. Гумилев считал, что это связано с вспышками на солнце, порождающими пассионарные личности. Однако в нашем случае совсем не обязательно обращение к высшим космическим силам. Есть и простое земное объяснение «пассионарности» наших менеджеров.

Для осознания своей исключительности-элитарности (аналогично национальной исключительности) нужно не только противопоставление своей общности другим, но и создание образа неполноценного врага. Менеджер не пролетарий и хозяин – собственник для менеджера не может быть врагом. Он,

скорее, идеал, бог и царь, которого, между прочим, не грех и обокрасть, чтобы самому поскорее стать «царем горь».

А вот профессионал – совсем другое дело. В ныне складывающейся в России иерархии профессионалы опущены на более низкую социальную ступень, а менеджеры делают все, чтобы закрепить это положение, доказать свою исключительную нужность, полезность и преданность хозяину. К тому же у менеджера генетическая неприязнь к профессионалу. Будучи по природе посредником, менеджер больше всего боится прямых связей хозяина с профессионалом, при которых обнаруживается ненужность посредника. Менеджер поэтому всеми силами пытается не допустить этой связи, видя свою главную задачу в борьбе за место у уха хозяина.

И хозяин – собственник – благоклонно к этому прислушивается, ведь прибыль производит профессионал, но получает ее хозяин из рук менеджера. Массовая замена старых директоров-профессионалов в проектных организациях на молодых «эффективных» менеджеров имеет одну только цель – контролировать денежные потоки, направлять их в нужное для хозяина или вышестоящего топ-менеджера русло, не забывая при этом себя любимого. Подразумевается, что на оставшиеся после такого «перераспределения» мизерные деньги всегда можно нанять каких-либо «безработных» трудяг, которые выполнят нужную работу. Качество этой продукции абсолютно никого не интересует, так как безусловный приоритет отдается прибыли.

Не интересует никого и экономическая эффективность работы проектных и изыскательских организаций, как правило, резко падающая в результате непрофессионального руководства. Пользуясь связями с властью, хозяин может надуть свою организацию госзаказом, превратив ее в посредническую контору. Прибыль все равно будет, даже при чудовищных откатах. В крайнем случае, можно получить прибыль, продав здание проектной организации или сдав его помещения в аренду. Это и есть «эффективный менеджмент» по-русски.

Менеджеры ведут непримиримую борьбу и на втором фронте за место у уха власти, благо границы между бизнесом и властью весьма условны. Менеджеры заполнили

все коридоры власти, весьма агрессивно выдавливая из них любых профессионалов. Ими настойчиво внушается мысль о том, что ни за что не надо слушать профессионалов и допускать их к работе над законами и нормативными актами. Они, мол, запутают всех непонятной профессиональной лексикой и сделают что-то полезное для себя и вредное для хозяина и власти. Отсюда чудовищная профессиональная безграмотность наших реформаторских законов, десятки «изменений», не способных хоть как-то улучшить их качество.

К счастью для менеджера у профессионалов есть одно неприятнейшее для хозяина и власти свойство, для которого Герман Греф специально изобрел по-немецки громоздкий термин «неклиентоориентированность». Естественно, этим званием награждается специалист любой профессии, который имеет наглость иногда говорить заказчику «нет». Но особую нелюбовь у нашего идеолога партии РРРР заслужили архитекторы вообще и главные архитекторы городов в частности.

Объяснить «первому топ-менеджеру России», что для главного архитектора города «клиентом» является не он, топ-менеджер, и даже не власть, а жители города, интересы которых приоритетны для профессионального архитектора, просто невозможно. Это он не поймет, так как не увидит выгоды ни для власти, ни для собственников, ни для менеджеров. И наоборот, преимущество беспринципного мажора перед профессионалом (для удобства воровства) столь очевидно, что захлестнувшая Россию массовая замена профессиональных главных архитекторов городов на менеджеров с невнятным образованием, но с внятным менеджерским мировоззрением, неизбежно. Это очень выгодно всем, кроме общества! И того самого клиента!

Поэтому менеджеры ведут наступление на профессионалов и на третьем фронте, на общественной ниве некоммерческих организаций. Здесь они создали свой особый рынок коммерческих услуг некоммерческого характера со своими расценками за все виды разрешений, согласований, лицензий, допусков, выдаваемых от имени государства или по законам о саморегулируемых организациях.

Менеджеры-директора СПО (с молчаливого согласия профессионалов – руководителей коллегий) захватили все ключевые посты

в системе саморегулирования. Теперь они присматриваются к нарождающимся палатам архитекторов и инженеров. Зачем им нужны палаты? Неужели для того, чтобы бескорыстно служить архитектуре и инженерному делу? «Не верю!» – кричал в таких случаях К. С. Станиславский. Менеджеров вообще не интересует никакое «дело» без бизнеса (извините за не тавтологию). И на ниве некоммерческих организаций они видят только возможность делать свою коммерцию и бороться с конкурентами.

Объявить войну профессионалам открыто (перед обществом) нельзя, здесь нужно нападение под дымовой завесой. Не могу в этой связи не привести цитату из письма в Союз архитекторов России.

Опубликовать имя автора не могу: письмо конфиденциально, но готов подписаться под любым словом:

«Любое разделение (на урбанистов и градостроителей) неизбежно влечет за собой такую процедуру, как перетягивание одеяла на себя. В данном конкретном случае такое перетягивание ставит целью дискредитацию деятельности архитекторов (в том числе и градостроителей), в глазах власти в первую очередь, как отжившей модели с устаревшими взглядами на градостроительство и архитектурную практику».

Дискредитация профессионалов или просто воинствующий непрофессионализм – один из главных методов борьбы менеджеров за место под солнцем власти и главный способ самосознания племени менеджеров-манagers.

Сколько можно терпеть «пассионарность» менеджеров? Может, пора и отпор дать? Прежде всего сорвав с менеджеров (в том числе урбанистов) маску прогрессивности и чрезвычайной нужности для государства и общества.

Глава шестая. Архитектор или менеджер

Разделение нашего цеха на профессионалов и менеджеров происходило постепенно и не всегда явно.

Первые делают архитектуру, вторые – деньги на архитектуре, продавая то, что создают первые.

Первые становятся вторыми, а вторые первыми, знаменуя великий поворот великой страны от эпохи созидания к эпохе распределения созданного.

Справедливости ради отметим, что все не так однозначно. Среди менеджеров есть и талантливые

архитекторы и не архитекторы – хорошие организаторы, умело подбирающие архитекторов, делающих хорошую архитектуру. Так что «на выходе» разница может быть практически незаметна. Но это не правило, а исключение из правила. В своей массе менеджерам (с архитектурным образованием или без оно) все равно, что продавать, лишь бы продать. А хозяевам все равно, как и что продает менеджер, лишь бы прибыль была.

Разница между творцом и продавцом в том, что является целью их деятельности: служение делу или бизнес как служение Мамоне. Маленький вопрос приоритетов целей становится решающим для России.

Качество жизни в России напрямую зависит от того, победит ли окончательно менеджер или общество и власть «реабилитируют» профессионала и защитят его законодательно. А качество среды жизнедеятельности человека и общества в России, являющееся основой качества жизни, напрямую зависит от дилеммы, вынесенной в название этой главы.

Менеджер сам по себе ничего не создает и, если он уничтожит физически или морально профессионала, если он победит в объявленной им войне, то создаваться ничего не будет.

Менеджер, в том числе и «урбанист», не может заменить архитектора и градостроителя, как бы он того ни жаждал. Но если все же заменит, то будет большая беда для наших городов и весей, для всей России.

Глава седьмая. Заключение (в хорошем смысле этого слова)

Зачем такие страсти? К чему эти или-или? Ведь существует в мире и на том же Западе понятие «архитектурный менеджмент», примиряющий честное профессиональное служение с экономически эффективной организацией работы. Отработаны механизмы профессионального контроля над деятельностью юридических лиц, осуществляющих архитектурное проектирование. Есть Соглашение Международного союза архитекторов (МСА) по рекомендуемым стандартам профессионализма в архитектурной практике, в котором перечислены все условия «мирного сосуществования дела и бизнеса».

Разница трудноуловима, но кардинальна. И архитектурный менеджмент, и инжиниринг, и

даже урбанизм – это не отдельная специальность, ведущая борьбу за свою исключительность и независимость, а всего лишь дисциплина традиционных специальностей.

Это комплекс знаний и навыков по управлению проектами, которыми должен владеть любой профессиональный архитектор, инженер или градостроитель. Конфликт внутри профессии решается достаточно просто. Значительно сложнее решить конфликт между интересами общества (и служащих ему профессионалом) и частным капиталом.

В том-то и дело, что сытый и стабильный западный мир веками создавал и отлаживал механизмы защиты общества от «естественной» патологической жадности «лучших представителей» частного капитала и служащих ему менеджеров. Само Соглашение МСА является по существу одним из таких механизмов. Один из главных принципов этого Соглашения – принцип защиты общества от непрофессиональных действий в архитектуре и градостроительстве, имеются в виду и власть, и собственники, и менеджеры.

В России таких механизмов нет и в помине. Наши менеджеры не только не будут руководствоваться принципами профессионализма, но даже не поймут, о чем идет речь. На этот случай Соглашение МСА рекомендует всем странам закрепить принципы профессионализма законодательно.

Дилемма «архитектор или менеджер» решается законодательно очень просто: менеджером в архитектуре (и владельцем проектной мастерской) должен быть только профессиональный архитектор, а приоритеты архитектурной деятельности определены в преамбуле к этой статье и преамбуле к Соглашению МСА в области этики и поведения, которую не грех и повторить:

«Представители архитектурной профессии преданы высочайшим стандартам профессионализма, незыблемости принципов и компетентности и обеспечению сколь возможно высокого качества своей продукции, и они тем самым приносят в дар обществу специальные и уникальные знания, мастерство и способности, весьма существенные для развития архитектурной среды своих обществ и культуры».

**Виктор Логвинов /
Victor Logvinov**